Памяти товарища, коллеги, профессионала

АНДРЕЙ КОНОПЛЯНИК
Доктор экономических наук, профессор

22 января не стало Владимира Исааковича Фейгина. Мы были знакомы с конца 1980-х годов, и нас связывало не только взаимопонимание по многим профессиональным вопросам, что оставалось в течение долгого времени основой нашего взаимодействия в энергетической сфере, но и то, что по многим жизненным вопросам, в том числе далеко выходящим за сферу экономики энергетики и / или международных отношений в этой области, мы с ним также смотрели в одном направлении. Ну или, по крайней мере, нам так казалось… во время нашего то более, то менее интенсивного общения… когда периоды тесного взаимодействия и личных контактов перемежались периодами меньшей регулярности персональных встреч.
Для меня он всегда был, есть и останется Володей…

Владимир Фейгин был широко известен в России, Европе и остальном мире как уважаемый ученый и серьезный профессионал в вопросах экономики энергетики, энергетического анализа и прогнозирования, российской и мировой нефтяной и газовой промышленности. С 1970-го по 2005 год он работал в научно-исследовательских структурах Министерства газовой промышленности СССР, а потом Газпрома, и, насколько мне известно, был одним из участников разработки системы распределения газовых потоков в создаваемой в 1970-е годы Единой системе газоснабжения СССР, которая успешно функционирует и сегодня, являясь залогом устойчивого и стабильного газоснабжения России и Европы. Знаю, что к числу своих особых «внутренних» достижений Володя относил работу по созданию НП «Координатор рынка газа» РФ.

В отзывах на смерть Владимира Исааковича Фейгина различных уважаемых информационных агентств и официальных представителей тех или иных организаций, с которыми он сотрудничал и / или которые откликнулись на его кончину (а таких было немало, как отечественных, так и зарубежных), упоминается широкий перечень его должностей, которые Владимир Исаакович занимал за 50 лет своей профессиональной карьеры (которая развивалась по столь близкой и понятной мне траектории: скорее вглубь и вширь, чем вверх) сначала в советской, а потом в российской энергетике. К моменту своего ухода из жизни он был президентом Фонда «Институт энергетики и финансов», советником президента компании «Роснефть», консультантом правления Газпромбанка, председателем Совета директоров ОАО «ЭНГО инжиниринг», членом рабочей группы по вопросам ТЭК Комиссии при Президенте РФ по стратегическим вопросам ТЭК и экологической безопасности, членом Общественного совета при Минэнерго РФ, ко-спикером с российской стороны Консультативного совета по газу Россия–ЕС и соруководителем его Рабочей группы по долгосрочным газовым сценариям и прогнозам. При его непосредственном и активном участии была разработана дорожная карта энергетического сотрудничества России и ЕС на период до 2050 года, подписанная и согласованная обеими сторонами. Уже только этот перечень говорит о Володиной профессиональной состоятельности, которая подробно освещена в посвященном ему некрологе на сайте ФИЭФ.

Мне же хотелось бы остановиться на своих личных воспоминаниях о периоде нашего знакомства и профессионального общения, особенно на том этапе и в той сфере, где и когда оно было наиболее тесным.

Познакомил нас с Володей (ныне, увы, также покойный) профессор Александр Аркадьевич Арбатов, тогда зам. председателя сначала КЕПС РАН, а потом зам. председателя СОПС РАН и Минэкономразвития, к которому – и как к человеку, и как к профессионалу – мы с Володей испытывали нескрываемый пиетет. А когда человек, к которому вы испытываете искреннее уважение, знакомит вас – с соответствующими рекомендациями / отзывами – со своим коллегой (а именно так знакомил меня Александр Аркадьевич Арбатов с Фейгиным и одновременно Володю со мной), то сразу же возникает кредит доверия – и профессионального, и чисто человеческого – и взаимная симпатия между теми, кого знакомит между собой Ваш Старший Товарищ и Учитель (а именно так – и всегда с большой буквы – мы с Володей воспринимали А. А. Арбатова).

До начала нынешнего века наше общение с Володей было в основном периферийным и опосредовано «кругом Арбатова»: мы встречались чаще по вопросам их общих интересов, как правило по линии ЭНГО (где тогда работала еще одна коллега Фейгина и Арбатова – Елена Медведева, ныне представитель ТПП РФ в странах Бенилюкса, через которую широкий круг представителей делового сообщества Северо-Западной Европы узнал о Володиной кончине и многие прислали через нее свои соболезнования), или в 1990-е годы по линии проекта ЕБРР по повышению эффективности функционирования российской ГТС (минимизации утечек и потерь газа в системе и конвертации их в дополнительный экспортный потенциал РФ), инициатором которого был еще один выдающийся специалист в области экономики энергетики, и впоследствии наш общий друг с Арбатовым и Володей, англичанин Клайв Хардкастл.

Когда Арбатов нас знакомил, он мне представил Володю как специалиста в первую очередь в газовой сфере. И, собственно, в этой сфере сошлись наши последующие с Володей профессиональные интересы, а именно, в вопросах газового сотрудничества России и ЕС, где мы с ним стали особенно тесно взаимодействовать, когда я в 2001 году выиграл международный конкурс и в начале 2002 года уехал на работу в Брюссель, в Секретариат Энергетической хартии на должность заместителя генерального секретаря. Ключевыми вопросами в то время в многостороннем хартийном процессе были разногласия между Россией и ЕС по трем транзитным вопросам Договора к Энергетической хартии (ДЭХ) и еще трем – проекта Транзитного протокола к нему. Поскольку касались они, в первую очередь, газовой сферы, то перед отъездом в Брюссель я обратился к Володе за помощью (Арбатов снова подтвердил мне тогда, что это будет лучший выбор для углубленного понимания проблем), чтобы дополнить свои знания и профессиональное понимание сути разногласий и постараться на основе этого понимания в ходе последующей работы найти взаимоприемлемые развязки. Володя познакомил меня со своим коллегой, с которым он долгое время работал в «Газпроме», Теодором Израилевичем Штилькиндом. Тогда и сложился и с тех пор поддерживался, вплоть до Володиного полного переключения из активной профессиональной жизни на борьбу с болезнью, наш триумвират доверительных отношений и профессиональных обсуждений по международной повестке газовых вопросов.

В Секретариате Энергетической хартии в это наше трио естественным образом вскоре влился Ральф Дикель (тогда директор по торговле и транзиту СЭХ, а до того долгое время работавший в «Ругазе», Всемирном банке и МЭА). Именно этим трем людям – Володе,

Ральфу и Т. И. Штилькинду – я обязан значительной частью своих профессиональных знаний в газовой сфере. И вплоть до настоящего времени эта четверка была, пожалуй, наиболее тесным для меня коллективом единомышленников в газовой сфере. И Володя в ней был, все-таки, «немного равней» других… И не только потому, что мы с ним физически находились в одном городе…

Именно в рамках этой нашей четверки возникла и была затем материализована идея начать процесс неформальных консультаций между экспертами России и ЕС по остающимся открытыми вопросам хартийной повестки.

И то, что ключевыми российскими экспертами от России в этом процессе были именно Володя и Т. И. Штилькинд (мы с Р. Дикелем, как представители СЭХ, выступали в качестве организаторов и модераторов процесса неформальных консультаций), в значительной степени предопределило безусловный успех этих консультаций в содержательном плане, ибо сторонами были найдены и согласованы на техническом уровне все развязки по существу, предложены взаимоприемлемые решения по всем вопросам, бывшим причиной разногласий РФ и ЕС: и по определению наличных мощностей транспортировки, и по размежеванию транзитных и внутренних тарифов на транспортировку, и по процедуре мирового посредника, и по вопросам резервирования мощностей и др. Не удалось снять разногласия лишь по одному вопросу, по так называемой «интеграционной поправке ЕС», являвшейся сугубо внутриполитической проблемой ЕС, и ее решение не зависело от российской стороны. Хотя и по этому вопросу Володя предложил элегантное и содержательно выверенное, на мой взгляд, решение, которое тогдашняя сторона ЕС на консультациях не поддержала, исходя из политически заявленных устремлений (вступив, на мой взгляд, в противоречие с законами термодинамики).

Некоторые идеи, выдвинутые и активно поддерживаемые Володей в ходе неформальных консультаций РФ–ЕС по проекту Транзитного протокола, нам впоследствии удалось инкорпорировать (в рамках процесса уже других неформальных консультаций РФ–ЕС) в Сетевые кодексы ЕС, то есть непосредственно во внутреннее законодательство Евросоюза. В частности, процедуру долгосрочного резервирования трансграничных мощностей ГТС на основании процедуры так называемой «открытой подписки» (open season), которая обеспечивает финансируемость создания новых газотранспортных мощностей с привлечением заемного капитала, ибо обеспечивает гарантии возврата (подкрепленные долгосрочными контрактами грузоотправителей на прокачку – если условия будущей прокачки, в том числе сроки и тарифы, их удовлетворяют) привлекаемых с долгового рынка средств соответствующими операторами ГТС. Я бы сказал, что процедура open season была Володиной страстью, глубокой привязанностью – как взаимоприемлемая и опирающаяся на рыночный спрос процедура создания новых мощностей ГТС, что было особенно актуально на этапе перехода от радиальной к радиально-кольцевой системе экспортных газопроводов РФ в Европу и создания новых, северных и южных, обходных трубопроводных систем (суша плюс море), замыкающих газотранспортное кольцо на действующие пункты сдачи/приемки российского газа в ЕС.

Найденные в рамках консультаций РФ–ЕС в хартийном процессе содержательные развязки не были, однако, востребованы на политическом уровне (история моей страны в Энергетической хартии общеизвестна)… но к нам с Володей пришло понимание, что именно неформальные консультации специалистов по острым открытым вопросам двусторонних и/или многосторонних отношений, предваряющие любые официальные переговоры, являются эффективным инструментом выработки взаимоприемлемых, внутренне непротиворечивых, устойчивых долгосрочных решений. Залогом именно такого итога является высокий профессионализм участников консультаций, когда на первый план выходит «сила аргумента»… Володя максимально соответствовал такому подходу и олицетворял его.

Двусторонние консультации экспертов РФ и ЕС в рамках хартийного процесса в 2004–2007 годах фактически проложили дорогу к последующим сначала неформальным консультациям экспертов России/Группы «Газпром» и энергетических регуляторов и операторов ГТС стран-членов ЕС с участием представителей Еврокомиссии по проблемным вопросам имплементации Третьего энергетического пакета ЕС (ТЭП ЕС) с учетом обоснованных озабоченностей российской стороны (2010–2017 годы), а затем к формированию Консультативного Совета по газу Россия–ЕС при Координаторах Энергодиалога Россия–ЕС – Министре энергетики РФ и Комиссаре ЕС по энергетике (с 2011 года по настоящее время).

Володя был одним из ведущих российских участников в обоих процессах. Он очень помог мне в запуске процесса неформальных консультаций по проблематике ТЭП ЕС – без его помощи и активной поддержки, его профессиональных знаний и авторитета было бы очень сложно раскрутить и поддерживать этот процесс, который с российской стороны возглавил тогдашний зампред «Газпрома» и гендиректор «Газпром экспорта» А.И. Медведев (поскольку именно «Газпром», как монопольный экспортер трубопроводного газа, был основным бенефициаром консультационного процесса с российской стороны). В ходе консультаций обсуждались содержательные вопросы подготовки Целевой модели рынка газа ЕС и Сетевых кодексов ЕС с учетом обоснованных озабоченностей российской стороны.

Консультационный процесс был запущен сразу после вступления в силу ТЭП ЕС и продолжался до принятия последнего Сетевого кодекса к ТЭП ЕС весной 2017 года. За это время состоялось 29 заседаний. Понятно, что без глубокой заинтересованности участников в содержательной стороне дела так долго этот неформальный процесс продолжаться не смог бы – значит, была потребность у сторон встречаться и разговаривать, значит, была потребность у стороны ЕС в «силе аргумента», чтобы сделать правила регулирования европейского рынка газа, по возможности (политических реалий никто и никогда не отменял), взаимоприемлемыми, а значит, приемлемыми и для основного поставщика газа на европейский рынок, которым была, есть и еще долго останется РФ.

Активным участником практически всех этих консультаций был Володя, который очень часто, весьма доходчиво, зачастую весьма эмоционально, объяснял нашим европейским коллегам (а поскольку в ходе неформального процесса участники быстро притерлись друг к другу, то и ориентировались не на эмоциональную, а на содержательную часть дискуссии), почему те или иные новеллы европейского газового регулирования в случае их принятия сработают против интересов самого ЕС, приведут не к росту, а к снижению благосостояния граждан Сообщества. На одном из заседаний, после выявления российской стороной какого-то очередного подводного камня для стороны ЕС в рамках подготовленного ею проекта очередного регулятивного документа, по-моему, Целевой модели рынка газа ЕС (Володя потом долго припоминал в разных аудиториях это «сетование» европейской стороны), сопредседатель консультаций со стороны ЕС и глава австрийского энергорегулятора Вальтер Больц, обращаясь к российской команде, – и, по-моему, непосредственно к Володе, – воскликнул: «Где же вы были раньше!»

На волне успеха неформальных консультаций координаторы Энергодиалога Россия–ЕС – министр энергетики РФ и комиссар ЕС по энергетике – сформировали в 2011 году под своим патронатом Консультативный Совет по газу РФ–ЕС в составе трех рабочих групп. Володя был назначен ко-спикером КСГ с российской стороны и соруководителем рабочей группы № 1 КСГ (по долгосрочным сценариям и прогнозам) и оставался на этой позиции до своей кончины. Его визави и в КСГ, и в РГ1 был назначен известный и уважаемый в европейском и международном газовом мире проф. Джонатан Стерн (создатель газовой программы Оксфордского института энергетических исследований). В этом тандеме они эффективно взаимодействовали, в чем-то даже похожие, на мой взгляд: оба седовласые, бородатые, неторопливые, рассудительные, но главное – очень знающие и уважаемые в своей сфере.

Соруководителями рабочей группы № 2 КСГ (по внутренним рынкам) были назначены В. Больц и я. До 2017 года (завершения подготовки Сетевых кодексов к ТЭП ЕС) заседания РГ2 КСГ и неформальные консультации по ТЭП ЕС проходили в совмещенном режиме. Ныне процесс РГ2 КСГ осуществляет самостоятельное плавание. Все это время не прекращалось наше интенсивное взаимодействие с Володей в рамках плотного профессионального неформального диалога в совмещенном процессе, а потом в процессе РГ2 КСГ с коллегами из ЕС по вопросам эффективного формирования единого внутреннего рынка газа ЕС. Мы стремились с Володей решать в чем-то недостижимую задачу (но и в этом мы были схожи: мы считали, чтобы взять ту или иную высоту, надо поднимать планку выше цели) – нацеливать наших европейских коллег на учет при подготовке нормативно-правовой базы для формирующегося единого внутреннего рынка газа ЕС объективных национальных интересов РФ (монетизация ресурсов российского газа) и обоснованных озабоченностей России

как основного экспортера газа на рынке ЕС (минимизация инвестиционных и торговых рисков до приемлемого уровня), насколько это возможно в рамках существующих политических реалий, в рамках государств с разным политическим устройством, но связанных в единое пространство Большой энергетической Европы единой трансграничной, капиталоемкой, стационарной инфраструктурой, объективно обрекающей эти страны на долгосрочное взаимодействие.

Более того, именно такую задачу в качестве целеполагания для деятельности КСГ сформулировал на первом заседании КСГ в октябре 2011 года тогдашний сопредседатель КСГ со стороны ЕС, гендиректор директората по энергетике Еврокомиссии Филип Лоу: «Минимизировать взаимные риски и неопределенности до приемлемого уровня». Володя (и, помнится, с его подачи, сопредседатель КСГ со стороны РФ замминистра энергетики РФ А. Б. Яновский) сразу ухватился за эту фразу, многократно повторил ее в ходе обсуждения как бы проверяя на слух, на вкус, на устойчивость, и потом очень часто приводил в качестве цитаты в разных документах и любил повторять при нашем общении.

Следующее заседание РГ2 КСГ, которое состоится в апреле 2020 года и пройдет в Еврокомиссии, будет юбилейным – 30-м. Основа нынешней повестки – вопросы декарбонизации рынка газа ЕС и эффективное участие российской стороны в этом процессе на взаимовыгодной основе. Один из путей экспортно ориентированного участия РФ в низко-углеродном развитии ЕС, в том числе, посредством производства водорода из метана без выбросов CO_2, что ведет к удешевлению декарбонизации для ЕС (по сравнению с альтернативными решениями производства водорода) и дополнительной монетизации ресурсов российского газа. Увы, это и последующие заседания РГ2 КСГ теперь будут проходить уже без Володи…

Мне было очень легко общаться с ним. И очень тяжело одновременно. Легко – потому что между нами отсутствовали те формальные и/или неформальные барьеры, которые зачастую существуют между людьми и мешают им в полной мере оставаться самим собой в рамках общения. Нам легко было высказывать свои соображения друг другу, ибо по многим вопросам мы были настроены на одну волну. Тяжело – потому что наше общение чаще касалось профессиональных вопросов, по которым не только у нас двоих, но и в стране и/или мире зачастую отсутствовала четко выраженная и при этом не менее убедительно обоснованная позиция, система аргументов. Володя с его фундаментальными знаниями (достоинства советской системы физико-математического образования давали о себе знать) быстро видел или находил слабые или недостаточно убедительные места в моей системе аргументов и/или сам выдвигал глубоко обоснованную систему контрдоводов, поэтому разговоров в расслабленном ключе у нас, помнится, не было – все время нужно было находиться в тонусе. Но это и стимулировало, работал эффект питательной среды, независимо от того, были это наши двусторонние с ним или многосторонние неформальные среди ближайших друзей и/или коллег или более официальные обсуждения (например, на заседании Ученого совета ФИЭФ, где, помнится, на моем последнем выступлении при Володе о вызовах Парижского соглашения для России и мира мне пришлось изрядно попотеть, отвечая на его вопросы).

В том, насколько он был (и остается) известен и уважаем в международной энергетической среде, я только что в очередной раз убедился, побывав на уже 12-й по счету Европейской газовой конференции, проходившей 27–29 января в Вене, участниками которой в прошлые годы бывали мы с ним. После Володиной кончины я разослал письмо его памяти с информацией о его уходе из жизни всем участникам КСГ с российской и европейской стороны, кому-то позвонил / написал напрямую – и немедленно (прямо или опосредованно) получил ряд откликов с соболезнованиями от многих знаковых фигур в европейской и мировой энергетике и энергополитике (К. Д. Борхард, В. Больц, Й. Ингверсен, Дж.Стерн, Ф. Бирол, В. Гронендийк, Р. Дикель, К. Клетингс, М. Сипос, А. Рар, Т. Густафсон и др.). Издатель международного журнала Natural Gas World, по-видимому, самого читаемого сегодня бизнес-журнала в газовой отрасли, В. Пауэлл немедленно откликнулся на мою просьбу опубликовать некролог «Памяти В. Фейгина» на сайте журнала, и во время конференции ко мне подходили многие ее участники, представители газового бизнеса разных частей света, где Володя снискал профессиональное уважение, со словами соболезнования и просьбой передать их его родным и близким. Пользуясь страницами журнала, передаю эти многочисленные международные соболезнования на уход Володи его семье и нам, его друзьям и коллегам.